

Архивные кадры. 2003 - янв. (N3) - с. 17

Нельзя жить в любви по принуждению

В ПОСЛЕДНИЕ годы Анастасия ВЕРТИНСКАЯ не часто радовала столицу своими выступлениями. Большую часть времени проводила в Париже, преподавала на "стажах" - своеобразных курсах повышения актерского мастерства. Но вот на московской сцене появился спектакль "Имаго", поставленный специально для нее.

- Вы прекрасно выглядите. Это Париж на вас так действует?

- (Задумчиво.) Не знаю... Каких-то специальных программ у меня нет. Правда, думаю о сохранности души и тела, но я не культурист, не особенный спортсмен, занимаюсь иногда с гантелями. В рамках разумного стараюсь не полнеть. Мне вообще кажется, что творческому человеку все программы вредны, даже йога. Все, что подчиняет его психофизику законам не творческим, а спорта или здоровья, это все вредно.

- Вы по-прежнему живете на два дома - во Франции и в Москве?

- Мне кажется, что желание работать в России или за границей зависит от того, где у человека дом. Мой дом всегда был здесь. Другое дело - да, я ушла из театра. Как мне казалось, окончательно. Одна из причин заключалась в поразочающей структуре репертуарного театра. Невыносимо, когда смешивается творческое и общественное. Я признаю спектакль как коллектив - ты должен любить всех, кто в этот вечер вместе с тобой выходит на сцену. Но жить каждый день с людьми по принуждению невозможно. На самом-то деле такая рабская для актеров система осталась только у нас. Есть еще парижский театр "Комеди Франсез", но там актеры являются акционерами, а это - иная психология, иной подход - подход владельцев театра. У нас государственная машина приземлила искусство на территорию советских служащих. Все служит какому-то искусству, у которого давно уже лицо чиновника. На самом-то деле искусство совсем другое.

- Какое?

- Искусство - это когда все по любви. Когда ты хочешь играть эту роль, хочешь работать с этим режиссером и он с тобой хочет работать. Во всем мире актер подписывает контракт на исполнение такой-то роли, и он знает, что роль эту играет только он, и делает это с сентября этого года до сентября следующего, а потом - все, свободен.

- Но наши актеры как огня боятся слова "контракт".

- Боятся, а сами без конца участвуют в антрепризах. Конечно, невозможно прожить на актерскую зарплату. Но вот этим желанием быстро и относительно легко заработать они нанесли антрепризе большой вред. Что такое антреприза по-русски? Берешь старую пьесу, на Западе давно вышедшую из моды, делаешь спектакль на двоих-троих актеров, мастерешь тюлевые декорации, уместающиеся в один чемодан, и едешь либо, как я говорю, "по эмиграшкам", либо чешешь по российским городам и весям. Наш спектакль "Имаго" ("Пигмалион" на новый лад) другой - антреприза дорогостоящая, но нас все равно приглашают, понимая, что приедут не три халтурщика, а труппа, театр.

- То, что спектакль Чусовой "Имаго" появился на сцене МХАТа, многих шокировало. Как ни печально, в Москве вообще нет площадок, где можно было бы показывать новые театральные опыты.

- Согласна. В той же Франции вынести авангардную постановку на очень большую сцену - нормально. Здесь, как только ты пытаешься попасть с новой постановкой на академическую сцену, сразу слышишь: "Это не в традициях Театра Вахтангова, Малого, МХАТа". Хотя, что это такое - традиции Малого или Вахтангова, трудно понять, почувствовать. В парижском "Комеди Франсез" вы действительно чувствуете традицию - это актерская речь, костюмы, высочайшая театральная культура. Но этот театр жив, и зал его полон только благодаря туристам. Сходить на спектакль в "Комеди Франсез" - то же самое, что подняться на Эйфелеву башню. У нас такой исторической достопримечательностью является только Большой, а всю остальную традицию, пусть застывшую, застывшую, но ценную с точки зрения истории искусств, увидеть нельзя. Мне кажется, что нужно отдать театральные площадки в свободное, но разумное пользование. И, кстати, нынешний МХАТ отличается от предыдущего тем, что Табаков не страдает амбициями режиссера. Наоборот, он приглашает в театр режиссеров со стороны, чтобы вдохнуть в старые стены новую жизнь.

- Я пыталась посчитать: к "Пигмалиону" за последнее время наши режиссеры обращались трижды.

Видимо, происходящее в пьесе Шоу созвучно тому, что пережило наше общество за минувшее десятилетие. И мы все оказались в положении Элизы Дулиттл.

- На помойке-то? Конечно, это наша среда обитания - помойка. Там можно отрыть и людей хороших, и таланты - никуда ничего не делось. На самом-то деле мы сознательно сделали такую поляризацию образов - Элиза с помойки и доктор Хиггинс, редко покидающий свой кабинет. Когда читаешь русские переводы "Пигмалиона" Бернарда Шоу, становится непонятно, из-за чего весь сыр-бор. Элиза - милая девушка, продает фиалки в довольно пристойном районе Лондона. Что-то она не так говорит, но что - непонятно, потому что на бумаге все выглядит абсолютно гладко. Вроде бы ее одежду надо постирать, но профессору не надо прилагать особых усилий, чтобы ее переделать. А берешь подлинник и видишь, что Элиза на самом-то деле разговаривает на языке кэбменов, то есть наших таксистов. Это сленг, очень смешной и очень-очень сложный. У нас нет эквивалента такой речи. А значит, и конфликта нет. Поэтому наша Элиза оказалась на свалке, и я вместе с ней.

Юлия ШИГАРЕВА
Фото Сергея ИВАНОВА